

Алиса Эмьер

До 25
или «Бисер для R»

Алиса Эмьер

До 25 или «Бисер для R»

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Эмьер А.

До 25 или «Бисер для R» / А. Эмьер — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

О чем я думала до 25 лет? Об отношениях, родителях и детях, смысле жизни, деньгах и, конечно, о себе. Но больше всего о том, что такое счастье и кем я хочу быть. У меня был прекрасный роман, который изменил мою жизнь. И что бы я там не думала, теперь думаю по-другому. Все длилось невероятно медленно и пролетело так быстро... Однажды я взяла бумагу и спросила себя, а что, собственно, со мной произошло? И написала книгу. В оформлении использован фрагмент картины Э. Мане «Бар в „Фоли-Бержер“». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

«Все события, герои и их взаимоотношения являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, событиями или взаимоотношениями – считать случайными. Бла-бла-бла...»

«Необходимо, чтобы подобные действия совершались или друзьями между собой, или врагами, или людьми, относящимися друг к другу безразлично. Если враг заставляет страдать врага, то он не возбуждает сострадания, ни совершая свой поступок, ни готовясь к нему, разве только в силу самой сущности страдания; точно так же если так поступают лица, относящиеся друг к другу безразлично. Но когда эти страдания возникают среди друзей, например, если брат убивает брата или сын – отца, или сын мать, или же намеревается убить, или делает что-либо другое в этом роде, вот чего следует искать поэту»

Аристотель, «Поэтика»

«(нет вариантов)»

Microsoft Word

ВЫХОДЯ НА СВЕТ

(Часть вводная, или немного мракобесия вместо вступления)

«Текст – это хаос и мифологическое пространство. Да, определёнno – хаос и мифологическое пространство. Если как-нибудь покороче – то это такой клочок реальности, где перемешиваются то, что есть, что было, будет, может быть, и то, во что человек верит. А хаос – это то же самое в процессе стихийных самоорганизации и саморазрушения. Человек долго прятался от мира хаоса в мире мифологического пространства, но постмодернизм лишил его этого убежища. А пост-постмодернизм ещё и лишил права цинично хихикать над монализмами прошлых лет. Поэтому сейчас воспитанное меньшинство снобствует, вышивает крестиком и занимается мистикой... Остается вопрос: куда себя деть скромному большинству?..»

Авторское обоснование организации текста как контекста, не является цитатой

«Что бы я ни сказал – это я»

Будда

Ты никогда не знаешь точно, когда это произойдёт. Наступит утро или вечер, зима, лето или что-нибудь ещё, но ты уже встретишь этот сезон другим... Мне всегда хотелось знать, когда же именно это случится, *когда* я, наконец, стану взрослой. Определёнno где-нибудь после 15... и до 25. Да, до 25.

Или нет, не так...

Давайте для начала просто улыбнемся друг другу и... скажите прямо – любите ли вы беллетристику... ну, или, например, хороший театр? Но только не кривите сердцем – и сразу признайтесь честно, что да. Эта любовь с первого слова к изящной подаче и сладким кренделям сюжета – она почти в крови. И правда, как приятно, легко прикоснуться к чему-нибудь яркому, в роскошном стиле и с музыкой на века – всему тому, что не так, как у нас с вами, к тому, что называют искусством... – И надо бы пересилить себя – пуститься за коктейлем в изысканное губошлёпство, и, вырядив в Пьеро и матрон, по заслугам высмеять нас всех... Но

школьниц тут не будет», – думала она быстро, направляясь к стойке, тут же выцепляя взглядом дородного менеджера² с фирменным бейджем и натренированным оскалом лица: «Добрый день, пройдемте». Заполняю анкету, по дороге успеваю кивнуть тебе, в ответ – ловлю улыбку. Стандартные формулировки и аккуратные ответы на анкету – демонстрируешь приличное воспитание и агрессивную степень мотивации, но, если этот тип потребует преданно смотреть в глаза уже на первой смене – бежать, бежать без сожалений. Но нет, ему, кажется, вообще на меня плевать, он дрессирует официантов, а у меня – иммунитет, я – помощник бармена... Ведут знакомиться с посудой и кассовым аппаратом. Удачно, кажется, меня взяли. Что ж... Доброе утро, мисс Сквидвард...³

Первый день – ничего толком не понимаю – опыта нет, зато всё этим сказано... Кругом и вверх дном аккуратно выставлены стаканы – слева, а изогнутая стойка, почти без подставки – справа, кругом – дорого-изящный сумрак, о котором уже говорили, и высоко возвышающаяся словно жертвенник – касса. Под стойкой стоят ещё стаканы, лежит полотенце, мобильник, что-то ещё, а вокруг постоянно кто-то снуёт... Рядом стоит старший бармен – среднего роста, некрасивый, но харизматичный парень, выглядящий старше своих лет – в очках, нелепых ботинках и уже мятой рубашке (ну, и зачем я её гладила?..). В компании с ним до этого самого дня я провела последние четыре года... но это потом, мы ещё увидимся... Кстати, если вам кажется, что роман на работе – это скучно, или что это будет недостаточно грязная история, это вы зря...

– О чём-то задумалась?

– Если тут тоже будет над чем подумать – я уволюсь.

Прекрасное утро.

Ещё один новый день позволил рассмотреть всё заново. Полупрозрачные окна с затемнением пропускали солнечные лучи. Всего свет пребывал здесь не более часа или двух с раннего утра. Это моё любимое время. Я, стоя за стойкой, протираю те самые стаканы и ни о чём не думаю, смотря, как медленно в ясный день пробегает по одной из столешниц полоска света, делая на время всё каким-то подлинным и живым. Через час чары рассеются, я уткнусь в кофемашину и буду наливать-пенить-сыпать, считать и снова наливать, иногда отдавая сдачу, смахивая крошки со стойки, подавая десерт или отвлекая ответами на очень важные вопросы первых гостей. Как-то непросто убедить этих упырей в том, что ты не просто цыпочка... Но таков уж типаж наших официанток – неглупых и вполне приличных девчонок, которые почему-то потом затанцуют кордебалет и будут визжать по первому требованию пьяных учредителей. Они только пишут с ошибками, а в основном, правда, все очень милые... Стою, пытаюсь вспомнить, как это вообще всё начиналось?

Сейчас мне 23 года, и я живу с человеком, которому своя семья пока не нужна. Детей у нас, конечно, нет, но есть похожее понимание своего будущего и некоторые интересы. Раньше мы только учились и жили с родителями, теперь, после окончания, прошел уже год, и мы сняли жильё, но живём, кажется, точно также – на чемоданах, в ожидании Годо⁴ и, не нажив даже нескрипящего дивана, часто спим на полу. Денег тоже никто не скопил. Ещё ты часто меняешь работу, а у меня нет друзей, с кем я могла бы поговорить обо всём этом. Вообще-то, у меня есть друзья – такие позитивные и адекватные мальчишки и девочки, которые копят на машины

---

² В сфере обслуживания между собой, как правило, используются сокращённые названия профессий – «барик» – бармен, «манагер» – коверканное от «manager», «офик» – официант и т. п.

³ Персонаж известного американского мультсериала «Спанч Боб». По сюжету стоит за кассой в общепите «Красти Крабс», и всегда находит повод быть недовольным всеобщими безграмотностью и хамством. Амбициозен как художник, обычно даже не собирается приступать к работе.

⁴ Пьеса С. Беккета «В ожидании Годо» – классика и начало театра абсурда.

и квартиры, рожают детей, строят карьеру и ищут свою вторую половину, перебирая Принцев и Принцесс... – короче, совсем не так, как мы...

И вот теперь, просыпаясь каждое утро, ставлю своё плечо к плечу в транспорте, потом за стойку... Хотя нет, сейчас это уже в прошлом, мне же повезло: наше безмерно французское кафе – прямо в этом же доме... а ещё и у умывальника нет очереди – ну, вот и все прелести съёмного жилья... кроме свободы... Как я вообще оказалась здесь?.. Однажды всё стало слишком невыносимо. Мужчины, квартиры и города – они как одежда – бывают сношенные или пока на вырост, в какой-то момент, как не тянула – стукнулась башкой о потолок, и пришлось что-то поменять. Мы жили до этого вместе уже достаточно давно (дольше, чем полагалось по приличиям жить с родителями), денег особо не было и при этом родители были мои. Мать не возражала, но это тоже может раздражать... На откуп благоразумию мы дождались конца учёбы, а после – «Волчонок сбежал из дома...» – «...сбежал потому, что вырос!». И вот она перед глазами – вся жизнь, и мы слепим из неё всё, что посчитаем нужным, рискнув поверить в счастье быть рядом и не зависеть больше ни от кого. Да, это сложно, но, если верить – обязательно получится, ведь правда? И, зная, что мы верим друг другу как никогда никому раньше – мы рискнули.

Так почему же я именно здесь, в этом кафе? – да потому, что работа – это деньги. Простое оправдание всему, и не будем искать сложностей. Мы снимаем и живём отдельно. Ты, я и парень, с которым я познакомилась здесь – с Сашей. В квартире две комнаты и наша меньшая, но просторнее, чем могла бы быть, спокойный район, чисто. Рабочая смена длится по-разному, иногда я прихожу домой в 2, иногда в 3... работаю 2 через 2, но и тут бывают исключения, и график по 4, и по 12, и по «досиди до 18.00», и «Знаешь...»... Зарплата прилично небольшая, но есть карьерный рост и чай[евые]...

Итак, к моменту начала всей этой истории я успела сбежать из дома, привыкнуть и примириться с мелочами жить самой... только в свои 23... – все мы фатально поздние дети.

– ...Да как сказать... стою я за стойкой, ко мне вваливается компания – пятеро ребят, начинают хамить охраннику (Фаркаду), ржут и рассаживаются гуськом за стойку, «Пивасик к семкам!!!»⁵ – (так живо вспоминается, что уже начинает тошнить), но ты в ответ просто кривишь губы и так же разболтанно: «...И чо, какой будим брать?»...

– Стоп-стоп... Это я уже слышал, – отвечает мне наш менеджер. Знатный, кстати, оказался говнюк... Старшего бармена не было, заступаться некому – в итоге штрафнул меня на косарь за разлитый слив⁶, два битых бокала и ворованную пепельницу. Укусить бы его в шею, да меня не прёт по «Сумеркам»...

Вот такая за месяц работы моя первая проблема... Не то, чтобы, но у нас часто так. Я вообще не жалуясь, но работать в своей чахлой и безденежной сфере – в эти «не так давно» – мне по-своему нравилось. Я вообще-то специалист по культуре. Не врач и не «культурист», как любят переспрашивать. Что я умею? – думать – по-своему редкое, наподобие увечья, качество... Хвастаюсь? – Да... потому, что больше пока нечем. Надо же обязательно чем-нибудь похвастаться! – Иначе при встрече будут думать, что ты – никто, что у тебя ещё ничего не было и: «...Хи-хи – а будет ли?..», или что ты там без денег и наверняка одна, а они: «... Вот папа устроил» или: «...Машину себе купил» – «...А я – телефон...». А я? Я – образованная, я – умная... И первое, что сделала после получения своего престижного диплома – устроилась в общепит, чтобы с голоду не умереть. Хорошо сделала, что похвасталась... А пока

---

⁵ Классическое уральское быдлоречие, использовано вместо «Пожалуйста, пива к семечкам».

⁶ Слив – алкогольная субстанция, идущая в отходы – например, пена с пива или недопитые гостями остатки алкоголя.

моя мания величия входит в анналы – пойду поживлюсь списанными⁷ печеньками, если остались... Вообще-то, до общепита я проработала в музее (ха-ха) – после такой записи в трудовой проще утопиться, чем найти работу. Но мне вот повезло – сейчас я наливаю чай и пиво, вспениваю молоко, а когда досыпаю краш⁸ – думаю о картинах Кента и Сурикова. Зёрна напоминают Африку, а пушистая кофейная пена, на которой рисую сердечки-облака над невысокими уральскими горами, которые ещё недавно было видно из моего окна... Скоро меня повысят до настоящего бармена.

Встаю во весь рост, незаметно потягиваюсь, наливаю себе первую утреннюю чашку американо – как всегда, без прикрас – и жду первого гостя. Это всегда так путано и странно: утро, через четверть часа брякнет входной колокольчик, и первый гость запустит проржавевший механизм – я улыбнусь, и до вечера мне будет некогда грустить... Гости – это наше самое дорогое, но при этом они ещё и компания назойливых коммивояжёров самих себя. Я навязываю им «ещё кофе», а они мне – свое одиночество – молча или с разговором за жизнь, реже идут парочкой или компанией – но эти вообще не слушают друг друга, и единственный, кто всё про всех услышит, это, конечно, бармен. Чёрт, выпить ещё кофе, а то привычка к тишине и музейной пыли не даёт раскрыть рта моим героям... нет, не героям – нам – актёрам пьесы, которую никто не ставил, а мне всё ещё так хочется вдохнуть искусство в то, что мы сделали из своих жизней... Но, кажется, я не вправе.

Из всех, с кем здесь общаюсь, и с кем пока нравится – Катя. Спокойная такая девчонка из Пышмы⁹, а ещё, кажется, у неё роман с Сашкой, но об этом тоже позже. Каблуки, макияж, растяжное «Чооо?..» и «леопардовые» тапочки в подсобке. У неё вроде бы всё проще: школа, техникум, а потом работа. Сейчас третья стадия¹⁰ – работа. Наверняка ничего сказать не могу, но скрывать тоже нечего – обычная девчонка, хочет простого счастья и замуж – хорошая официантка. Каждый день ездит к нам из своего городка, лучше многих умеет считать и общаться, не спорит с начальством, не делает пакостей, не уезжает ночью с гостями... – Супер!

А вот он – стоит за стойкой бара, на моём месте, тянет потихоньку кофе – увижу хоть каплю – начну ворчать.

- Я спать хочу, не знаю, как вы... А... Привет, R!
- Привет-привет! Чего, правда, сонный такой?
- А ты типа не знаешь...
- Гы-гы...

Ребята заржали и принялись за учёт. Утро – это особое время, никто не мешает. Ну, почти...

«Ты посмотришь пока за стойкой, а я – за вторую кассу, ок?» – Девушка, пожалуй, старше двадцати неуверенным движением протирает бокалы, за её спиной – большой зеркальный стеллаж, где в неярком свете таятся местные сокровища – коньяки и вина из немыслимых мест и сроков выдержки, текила, водка, ликёры, кальвадос... Вот она – рыжеволосая, большеглазая и не очень высокая, наклонив голову, смотрит в бокал, пушистое полотенце не должно оставить не пылинки на посуде, когда всё будет готово или кто-то придёт, она поднимет голову и, не торопясь, заученными движениями, в такт незаметной музыке – французский шансон с утра до вечера – выполнит заказ. Это отражение... Парень за второй кассой, что сейчас считает

---

⁷ Списанные продукты питания – всё, что в зависимости от требований заведения уже не удовлетворяет качеству. Хочешь яблочко? – откуси, спиши – и тогда съешь, если не поймают.

⁸ Колотый лёд, используется во многих коктейлях.

⁹ Небольшой город, плотно примыкающий к одному из городских районов.

¹⁰ Вы правильно поняли, это безнадежно.

деньги с тощим официантом – он, но я ещё не придумала ему имя... Вообще-то, мама его назвала Марсель. Он из небольшой деревушки за сто километров от ближайшего города, она в то время читала что-то о французской литературе, ей показалось, что это имя будет звучать так романтично... Теперь он старший по бару во французском ресторане, одет во всё чёрное, со щетиной и грубовато-странным манерами. Уже знакомы? – R и Марсель – вот так мы двое выйдем со стороны.

Я слышу музыку: музыкально рассыпаются столовые приборы и перезвон бокалов – весь воздух напоён чем-то особенным, он густой, в тон запаху кофе – бодрые и выверенные ритмичные движения: танец по кухне, танец за стойкой, звон, лязг и топот, такт и остановка. Тарелки возвещают новый акт, рефрен, искусство недосказанности и символа, легко – и даже животные, наверное, понимают – я улыбаюсь и, кажется, ты тоже это слышишь... Взревела кофе-машина, и это – кода, и, когда всё остановится для последней ноты, я звонко поставлю стакан на стойку, и это будет до диез мажор, обязательно мажор – и ты улыбнёшься... Но никто больше не слышал этой музыки, и, когда фрагмент закончится, это будет просто суета... – Что ж... – просто профессиональное исполнение... Никто и не ждал аплодисментов.

А кругом полупрозрачно и красиво: старинный город – гнутые чугунные решётки и стекло столиков, выложенный брусчаткой пол и жёлтые фонари, если зазеваешься или выпьете лишнего из того, что нальют вам эти ребята – почувится, что вы на улицах Парижа, или под крышами¹¹ – там же, где молодые неизвестные художники и музыканты, поэзия и красота – рядом, здесь же, под цветными стёклами фонарей, и кругом тёплая ночь – ни ветерка, только подрагивание свечей в фонарях да шум за соседними столиками. Прекрасное место, сцена, панорама событий, и только не хватает горизонта, чтобы навсегда развернуться и убежать туда, куда-нибудь в этот рай земли – *Paris*, и всю ночь гулять по городу. Смеётесь? – а такие, кто ломятся к нам в подсобку, были не раз возмущены, что вместо *pardon* слышали совсем иной французский. О, блеск мирских иллюзий... В общем, да, дизайнеры постарались на славу, и тут было на что посмотреть.

Иногда по вечерам на летней веранде, которая была устроена куда как проще и милее, играл живой саксофон, и с завода, что в паре улиц отсюда, заходили гости в ярких рубашках и с маленькими собачками на поводках, или шли с пляжа в коротких шортах – увешанные малышкой родители. Всем нравился этот сказочный мир. Хотя, конечно, больше было настоящих иностранцев и усталых глав семейств – маститых одиночек с тугим кошельком и хозяйским апломбом.

– Три капучино и латте!

Попробуй тут на чем-то сосредоточиться, когда в самые ответственные моменты твоей жизни приходится подавать кофе...

Делаю всё как написано, как учили – засыпаю-нажимаю, включаю, перемешиваю-вспениваю-выключаю-вливаю-рисую-ставлю-выключаю-споласкиваю. Готово. Алгоритм простой – ничего лишнего. Лишнего у меня в голове навалом... я долго училась, но это иллюзия – многие знания – многие печали, эх, если бы знать об этом раньше... Наверное, за этим и стоило учиться. Учиться, чтобы быть умничкой, потому, что это была «твоя работа, раз пока ты не имеешь своей семьи и денег», «нормальному человеку, который хочет добиться успеха, нужно высшее образование» – или большие неприятности. Большие или высшее – высшая мера. Я всё делаю так, как правильно, как надо им, и как надо бы мне... Это всё потому, что я всё время боюсь, что ничего не получится... Боюсь? – боялась... Теперь я сама себе хозяйка, и мне плевать на последние шесть лет и всё это «что-то ещё», что принято называть достижен-

---

¹¹ Намек на скандальное произведение американского писателя Г. Миллера «Под крышами Парижа».

ями. Я фотографирую, танцую, пою, рисую, сочиняю, играю и умею слушать. А теперь ещё и прекрасно подаю кофе. Ухожу из дома и прихожу в обещанный час, снимаю за недорого и не беру кредитов, планирую покупки, стараюсь не быть занудой и не доводить уровень бардака до помойки. Самостоятельность – мечта каждого, кто родился или вырос умницей, но, чёрт возьми, что нам с того?!..

Особая тишина кругом, неяркий свет, блеск – там, где и столько, сколько нужно. Атмосфера. Ничего лишнего, запахи лёгкие и приятные, звон бокалов охлаждает воздух, дерево цвета тёмного пива и тёмное пиво в блестящем бокале – подаю, сливаю пену и думаю, как образуются сливы. Я нервничаю и понимаю, что неизбежно близится конец увертюры.

Внутренний мир развивается по спирали, чтобы шагнуть в окружение, *вовне*, дневник – страницы предательства, написанного твоею же рукой, сумятица на первых порах, отталкивающее непонимание и нетерпение – не хуже, чем у самой себя, листающей страницы до чего-то важного, не имея возможности заглянуть в конец. Саморефлексия и кафкианские трущобы, съеденная до самой крошечки самостоятельность и попытки духа раскрыться перед такими же духовно неимущими, поползновения в тиши и той же зачарованности эрмитажной пустоты – глядеть во все глаза, всю жизнь, становясь экспонатом – как заключение в одиночной камере с правом глядеть в окно, которое вечно, как сама жизнь, за которой ты наблюдаешь. Когда я стала такой?.. Лёгкие шаги в безумие и вглубь, стремясь вырваться наружу, где знания, где свет, где мальчик тычет в книжку пальчиком со словами: «Мама мыла раму», – и ты понимаешь, что всё это бред, что это наши воспоминания, опережающие события или детство, ставшее нашим будущим, и все аналитики, и Фрейд, который не так хорош, но, почему-то, часто прав – не втыкаясь и выпадая ключом из замка, а предвидением обстоятельств и травм, стремлением отвернуться или пнуть ногой стол, а не стоящего рядом¹². Чемоданы с двойным дном и не открывающейся крышкой души, которых не вытрясти наружу никак без хирургического вмешательства, со страхом, что уже будет слишком поздно, беспокойство за того, кто берёт книгу в руки, достигает своего предела – он или кинет её на полку, или научится жить в такт с собой – так задавай вопросы, спеши – ведь жизнь коротка....

– Я ничего не понял – ты и про процесс творчества, что ли, хочешь рассказать?

– Ага, но давай потом, а то мне заказы отбить надо, просто посмотри там запятые...

Вот они – репетиционность, муки авторского замысла.... Всё взаправду только для тебя, для остальных – это работа, ситуация... А где же волшебство, рождённое из повторений¹³, где красота человеческих чувств и подлинность, которую дарит настоящее представление? Режиссер крепко стоит на ногах, он точно знает, что хотел сказать, но услышат ли его те, кто хочет полюбоваться декорациями, и выдержит ли его сердце провал? Нет, что я говорю???.. Всё уже определено, актёры заняли свои позиции и генеральная репетиция позади. Тронулся занавес, представлены герои, и теперь только ждать, когда мы выйдем на свет – или... Упрямо смывать мелом с доски написанное, писать заново, перечеркивать, уточнять, удаляться, ляпать и искать заново... пожалеть и вспомнить себя, написать кратко и нечестно, но чисто (кто знает, кто прав и где правда?). И поднять глаза – снег... Вот он – искренний и простой, совершенный – всего лишь своей тенью как тонкой длинной чертой, пересекает страницу и отправляет её в долгий ящик смерти, живая мертвечина творчества – конгломерат гадостей для меня и тебя, открове-

---

¹² Речь идет о вульгарном понимании Фрейда в стиле: «Всё есть вагина и фаллос», которому противопоставляется более ценное в данном случае открытие им эффектов сублимации и переноса.

¹³ Мимесис – теория подражаний и копирования природы человеком и другие основы греческой трагедии. Считается так же, что греческая трагедия родилась из мистериальных повторений событий прошлого, которые с определённой периодичностью повторяли наследники этого рода, принимая таким образом свою историю.

ния без повода. Бодлер, как всегда, прав¹⁴, но сколько лет нужно, чтобы понять, о чём это он... Эти скучные книги с порицанием человеческой природы дышат гадостями, отталкивающими юный ум и соблазняющими ум дряхлый, где человек гол, мерзок и одинок, и ты отворачиваешься, а правы – вы оба. Я хочу думать о людях лучше... О тебе, о них и о себе тоже...

– Два кампари оранж и капучино с корицей.

Ах, да, да, да, я иду, я уже здесь... задуши меня между двух частей переплёта, и я проступлю ядом и кровью на форзаце, в этой паутине запутались и сгнули трое, а ты думаешь, что правду можно скрыть, написав в единственном месте, в которое никто никогда не заглянет – книге. Я – твоя мертворождённая надежда, которую ты смахиваешь, думая, что это просто пепел на алтаре твоих сомнений. Лучше мыть пепельницы и ни о чём не думать, чем просто вглядываться и никогда не жить. Игрушечные страсти. Первая буква, с которой всё началось, стала R, потому, что тебя так называли, последней станет Я, или я стану последней, потому что мы всегда извращаем свою природу, чтобы быть кем-то ещё, но время решит наши недомолвки и, укутанные в дешёвый переплёт, покинут меня мысли, которых нельзя было иначе отпустить на волю, где, как в зеркале, будет всё иначе, и, всё же, больше похоже на жизнь, чем то, что видишь ты каждый день.

Выдох – теперь никаких мыслей (ты же понимаешь, что на кампари оранж и кофе осталось всего минуты две, и нужно, ни о чём не думая, *сделать им вкусно*; на сердитых воду возят, а от плохих мыслей молоко скисает... Тишина! Делаем искусство, которое можно потреблять и даже переварить – кра-со-та!). Мною гордился бы Уорхол.¹⁵

Пятница-пятница-пятница... – обрывки мелодии и припев...

Спокойное кафе на нецентральной улице, район прогулок и мягких вечеров с гоготом и пивом, недалеко от берега обмелевшей мечты о счастье – наше заведение на 70 человек, и зал неполон. Я за небольшим ноутбуком справа, в углу, и сегодня у меня выходной, а ребята – трудятся. Нас совсем немного, и вы, кажется, уже знакомы – Я – R, Марсель, Катя и Саша. Точно, остался только он. – Саша достаточно много пьёт, в прошлый раз его уволили за воровство, но ему очень нужна работа... Конечно, бармен. Последний близкий приятель в этой истории. Неясные отношения с родителями, шумные друзья, любит клубы, часто таскается туда после работы. В него влюблена Катя и, кажется, уже взаимно. Он живёт с нами в квартире во второй комнате. Удивительно тихий такой для тусовщика.

Вечерние краски проникают внутрь – ни занавесок, ни гардин, только витражи и стилизованная улочка внутри – дворик с фонариками, каменным полом, тяжёлым кружевом чугунных столиков и вечерним светом – вспомнили?

Перебираешь из тысячи вариантов, ищешь, думаешь: а как правильно, где лучше и кто в конечном счёте победит – не знаешь... Смотришь по сторонам, на них, на своих и на врагов, на одноклассников и сокурсников, друзей и сестёр – всё время мечешься: чего-то тут не хватает, доходишь до этого тупика, и вот тебе уже ровно столько, когда «надо было слушать маму»¹⁶, или уже совсем не слушать. Сплошное «уже»... И результаты твоих ошибок – ходят в школу, приходят письмами из банка, прячутся рубцами и татуировками по рукам, пятнами в биографии и документами в отчётах – ошибки, которых можно было избежать и очень нужно было сделать... Живу себе вроде как нормальный человек и нечто среднее, ищу ответы о том,

---

¹⁴ См. «Цветы зла». Смотреть лучше после 40...

¹⁵ Основатель оп-арта и поп-арта. Икона и один из создателей культуры потребления. Мужик, который, так далеко зашёл, что прикончил искусство.

¹⁶ Аллюзия к анекдоту: «Девочка в 8 лет: «Мама знает всё!», в 13: «Мама знает не всё...», в 17: «Мама ничего не знает», в 25: «Надо было маму слушать...»

что же происходит, глядя в увеличительное стекло по сторонам и под ноги. Понятия не имею, чего же мне не хватает... Осталась навсегда ребенком, но почему?..

- ...Алло, R, где ты? Я уже обыскался...
- Да ладно... разве ты не всё время что-то ищешь?..

Калейдоскоп

Возвращаясь с Наташей из гостей, ему в очередной раз стало скучно. Какая-то неясная усталость и смута накатывают всякий раз, когда всё кончается... То ли он что-то потерял, то ли не нашёл вовремя – чего-то не хватает. Посмотрел на неё. Он всегда любил смотреть на неё, когда было немного скучно – светловолосая красавица с высоко вздымающейся грудью и чуть капризными губами – она была ещё чудеснее, чем он успевал представить себе, пока переводил на неё взгляд. А ещё, если он где-то задерживался допоздна, то любил помечтать о том, что сейчас, вот, ещё немного и – откроет дверь и встретит его Она – девушка-картинка из плейбоя с ясными глазами.

«Завтра огласят результаты отчётов компании за этот сезон... – он уже всё подсчитал и мысленно потирал руки, думая о поощрении, – ... Хотя... Ну, скоро отпуск...», – он улыбнулся и что-то замурлыкал от удовольствия. «Дорогой, ты не забыл ключи?» – «Да, да...».

И следующее утро было почти безоблачным, но, после обеда, тучи-таки собрались, грянул гром, а ещё чуть позже от матери пришло письмо. Позвонила Наташа, он, выслушав новость, немного скис. Но вот, ещё полчаса спустя, к нему вернулось бодрое расположение духа, и он решил: «В конце концов, нет ничего проще заглянуть на недельку, и снова: «...Он – прекрасный сын...»... Года на два... Он пытался вспомнить: мать приезжала как-то раз (это точно), но шум большого города её утомлял... Так или иначе, они не виделись уже года три – и, получается, раз впереди отпуск, он действительно *может* и *должен* приехать. Свыкаясь с не самой приятной мыслью, он задумался о Наташе: «...Малышка... Как она без меня?..». Но романтику победил скепсис: «...Но вряд ли стоит её знакомить с матерью... В конце концов, ещё поймет что-нибудь не так... К чёрту!».

«Всё займёт не больше недели, ну, или, может, дней десяти, а потом – Турция или Египет, как захочешь, как ты и просила» – «Хорошо» – кротко ответила она. Оставшиеся дни с Наташей он провёл в неге и лёгкой задумчивости, она отнеслась к отъезду как к чему-то должному, её большие и ясные глаза молчали, не говорили ничего и её слова: ни одобрения, ни сочувствия, ни лишних вопросов – она осталась невозмутима. Чего-то не хватало. Неделю спустя на Ярославском вокзале его ждал поезд.

В дороге было время подумать. Вообще-то, он не очень любил поезда, тем более – надолго оставаться один, но, как ни крути, почти сутки наедине с собой его освежали; в конце пути ему даже чем-то нравилось глядеть в окно, разгадывать кроссворды – и он нисколько не пожалел, что попутчика в СВ ему так и не нашлось.

...Мать он, конечно, любил, но, как и все дети, не слишком беспокоился об этом. Мысль о том, что стоит приехать в гости, окончательно заняла его голову, только когда он вспомнил последнюю пару её писем в прошлом (и, кажется, по-за-прошлом...) году, где, как ему тогда показалось, были намёки на встречу, но к себе он больше как-то не приглашал (был очень занят), а тут... «В общем, всем стоит отдохнуть от этой «стаальной жизни», затормозиться, в конце концов...», – с такими назиданиями он воспитывал в себе волю, которая, в конце концов, и решила дело.

Вот за окном и Вишинск¹⁷. За всё это время город изменился, состарился, обрюзг – долгожданный гость, сойдя на перрон, с трудом узнавал вокзал. Всю дорогу в автобусе покалывала лёгкая грусть, и, наверное, ностальгия, за окном – тон в тон с пустотой в груди моросил нудный октябрьский дождь, и ничего, кроме этого дождя, разглядеть в окно он не мог. Проехался, вышел на «своей» Профессорской, где, вместо привычных тополей-исполинов, его встретили опиленные обрубки с порослью на макушке, закурив, машинально зашагал к дому.

С матерью, однако, встретился теплее, чем ожидал – давно не видел, но уже к вечеру ему стало скучно. Скучно по-другому, не так, как в Москве – клуб, тусовку и кино здесь, в лучшем случае, заменяли танцплощадкой, а в это время года – водкой у соседа или ничем. Несмотря на усталость, он вышел на улицу – пройтись, и заодно поискать сигарет. В киоске рядом ничего дельного не оказалось, а в магазине было «Закрито» – «Охренеть», – подумал он в растерянности и, не найдя ничего другого, вернулся домой ни с чем. «Значит, на недельку брошу...», – с сомнением успокоил себя.

Спал как убитый. Понежившись в постели, позавтракав и выпив кофе, он уже пересмотрел все свои папки, игрушки, велик и прочие мелочи детства, которые мать (уже лет двести) заботливо хранила на своих местах. А начиная с обеда его опять одолела та же тягучая скука, и он с большой неохотой сел смотреть старые фотографии. «Дурацкий ритуал». Заново увидел себя и всех, задумался об одноклассниках. Опять где-то под сердцем заскребло: «...Чего-то не хватает...», – смешно, но никак иначе об этом сказать не мог – «...Че-го-то»... И, кстати, «довольно давно»... О ребятах из школы, честно говоря, он не особо скучал, «...но интересно, конечно, кто сейчас где... А это всё прочее – наверное, просто скука. Единственный просвет – отпуск и тот, блин... В этой дыре... Прогуляюсь вечерком, зайду куда-нибудь...».

Тут же звякнул телефон. Смс от Наташи про «новые туфли» и «шкафчик в коридор из Викии, ты же не против?» – в этой дыре смотрелась дико. Повертел телефон, но решил не отвечать. «Пусть думает, не дошло. Далась ей эта Викия... Интересно, на что я злюсь больше – что ей там весело или на этот шкаф? Может, на деньги?.. Абзац».

Посидел, посмотрел, оделся – пошёл на улицу – на улице почти морозно, истлевшие листья носятся по дорожке, подбираемые осенним ветром... Бррр!.. «Сам подписался. Посмотрю, что осталось от знакомых улиц».

В прогулку вдоль родной улицы Павлова его провожали старые домики в два-три этажа с новыми трещинами в стенах, с разводами от давно отвалившихся водосточных труб, пыльными окнами, часто забитыми фанерой или ветошью для тепла; а ещё – мокрые собаки, слоняющиеся по окрестностям помоек в поисках еды, парочки-новостройки коробков-пятиэтажек, залитые дождём осенние дворики и до весны опустевшие лавки, где погожими вечерами пили пиво под домино пропойцы да старики. Дождя не было. По знакомой дороге ноги незаметно сами привели к школе, где почти двадцать лет назад он стоял в такой же осенний вечер с букетом астр и напуганными глазами, когда всех построили парами и затолкали в первый класс и, хоть и нечему, но он немного умилился и потеплел – ему уже 27. В ничем не прерываемой тишине воскресенья ему мерещится память – визг, шум перемены и последнего звонка: «Учат в школе, учат в школе, учат в школе...». Сворачивает за угол, идет по аллее лип, бугристый асфальт неожиданно выскальзывает из-под ног, то и дело толкая в лужу, и в конце аллеи видит Парк Культуры, шагает в проржавевшие ворота, проходит мимо закрытых на ремонт аттракционов, цепочки и паровозика для малышни – всё вспоминает, вспоминает... Пугаясь сам своих воспоминаний. «Как много, оказывается, сохраняет память... Но, если я способен удивляться – я ещё не совсем стар», – и он рассмеялся своим мыслям, ведь так непросто признавать, что есть уже взрослые люди младше тебя.

¹⁷ Ради Бога, просто от слова «вишня»!

Прогулка удалась; не переставая удивляться *своему* городу и тому, как так он быстро привык к московскому метро, как по привычке сейчас ищет переходы или светофор на дороге, тому, что так не хватает шума и магазинов «круглые сутки» – он шёл домой. К закату неожиданно распогодилось, он остановился: на почти ясном небе мелкие облачка, казалось, развернули всю палитру красного и фиолетового цветов. «Интересно, когда я в последний раз видел закат?.. И неожиданно чувствует, что с каждой секундой становится счастливей, *радуясь*, что *может радоваться* простым вещам, пусть даже самым банальным в сути своей. И как-то отлегло от сердца, как будто встретил что-то настоящее – закат, конечно, не в счёт... Он пишет Наташке («В смс в два раза больше смысла, и во сто крат меньше болтовни») и возвращается к матери, по-настоящему возвращается, впервые как «настоящий сын» испытывает к ней чувство благодарности (и, конечно, молчит об этом – ведь это *так пошло*, в конце концов). Она осталась неизменной, но как это, всё-таки, ново после разлуки. Её руки, глаза, эти тихая забота и терпение – и на редкость в своём уме... Сплин уходит, и до обеда следующего дня он в лёгкой эйфории, хотя... «...Конечно, скучновато здесь».

Вечером идёт с матерью в местный театр. Особых впечатлений постановка на него не производит, но мысли в голове бродят, вращаются у старого фоно: «...А где это то, что так нравилось в детстве – играть, ходить в драмтеатр, на выставки в павильон у библиотеки, вообще всё это *интересное*?.. А, всё-таки, я ещё что-то ищу...», – он опять вернулся к надоевшему рефрену и не нашел ничего лучше, как выпить пива. Один. Впервые, наверное, пил один, считая, пожалуй, что это участь алкоголиков. Пил и думал – пусто как-то... Все эти выставки, закаты и прочее – что я, их не видел? Как будто нет чего-то, а в детстве вроде было... Мутный город.

Новое утро («Какого дня?..»), на лестничной клетке – первая яркая искра – его по имени окликнул знакомый голос, он обернулся – красивая улыбка на полноватом лице – из-за дверей вышла...

– Оля?.. – изумился он – ...Ааа, я думал ты уехала...

– И правда... Ваня!.. А я думала ты – не ты... Да нет, я вернулась, у меня сейчас академический отпуск, рада тебя видеть! Ты к маме или... Навсегда?

– Да, да... – спохватившись, – В гости просто приехал. Как ты изменилась...

– Похорошела? – засмеялась она, и он уловил, как голос легонько треснул, но...

– Да, да...

– Ты заходи, давай, давай, хоть чаю попей. Ты не торопишься?

– Да не особо...

– И мама будет рада тебе – сколько не виделись. Чай у нас, кстати, особенный, африканский. Шучу, конечно, он всегда африканский. А ты не знал?.. Про Индию и слонов на всяких штампелях даже не думай верить – подлог, мистификация и реклама.

Зашёл. Всё как тогда... Даже обои те же. Поздоровался с Алёной (Алёной?..) Кузьмишной, Аня потянула на кухню – взяла было за руку, да почему-то смутилась и отпустила, а почему – я понял потом.

– Чай или кофе?

– Чай, чай... Африка, говоришь, да?

Огляделся и заметил в коридоре шкаф, в котором полки ломились от неподъёмного груза знаний и наваленных книг – справочников по математике, геометрии, ещё чему-то – я не разглядел. Вспомнил, что так с ней и познакомился, и как после вечерами вместе считали алгебру и чертили, готовились поступать.

– Как ты? Как твоя карьера в науке? Ты же уезжала учиться куда-то, кажется, в Сибирь...

– В Новосибирск, – уточнила она, – А теперь защитила кандидатскую и получила отпуск, – сказала и улыбнулась Оля.

«Оля – Оленька, давно уже Ольга Сергеевна... Она пополнела, остригла волосы и стала брюнеткой с холодноватыми глазами, бледными ногами под длинной юбкой – под стать учителю...», – он весь ушёл в свои мысли и почти не слушал её, и, очнувшись от оцепенения, первым же вопросом застал врасплох:

– ...Так чем теперь занимаешься?

– ... Да говорю же, – слегка удивилась она, – исследую, пишу докторскую на тему «Доказательство существования в тригонометрии неравнозначных каскадных дробей в области значений от нуля до единицы», сейчас в академическом отпуске – мама просила... Преподавать пока не получается – место не могу получить, – вздохнула, – А у нас в Вишинске уже пятый год хотят открыть училище, и все звали сюда, а открыть никак не могут – подбирают состав, учить-то пока некому. Ну, вот математичка, – засмеялась она своим стеклянным смехом, – Уже есть. Сейчас в основном пишу доказательство. Очень увлеклась...

– Не изменяешь тригонометрии... Поражаюсь тебе, я давно живу без синусов и тангенсов и нисколько не скучаю...

Мне вдруг пришло на ум: «Слушай, – полушутливо сказал я, – а для чего это доказательство, зачем вообще, на производстве или, там, в теории?».

– Вопрос «Зачем?» выходит за рамки науки, – после паузы сухо пропечатала она.

– ...Коротко и ясно, как аксиома! – Я был слегка обескуражен: а зачем тогда вообще...

Она тут же смягчилась: «Я просто пытаюсь сохранить науку... По правде говоря, всё в жизни Бог знает для чего... Вот мы – люди – зачем? Работа, Наука, семья, дети...», – начала и осеклась она, и тут я понял, что она не замужем – но она тут же выпалила:

«Ну, всему свое время. И с научной точки зрения...», – и я её почему-то уже совсем не слушал. Было как-то горько так глядеть на неё, знать, что она старше меня и уже не выйдет замуж, да и не захочет... «С научной точки зрения». Тангенс, котангенс, косинус, синус, аксиомы – на всё готов ответ, а смысла этих счётов нет...

Я как-то тоже рассказал ей всё, немного подсократил, конечно – менеджмент, карьерный рост, квартира – свои сложности... И – почти женат... «О!.. Да, да...», – и после она заскучала, как на морозе розовый цветок. Ещё немного посидели, и я стал собираться.

Она говорила, говорила что-то на прощание, и я даже не помню, что ей отвечал. Престарелая мать её – уже безразлично и по привычке сидя в старом кресле, вязала крохотные пинетки, варежки, шапочки, и носочки непонятно кому, и только изредка вздыхала на погоду за окном: «Поливает-то нынче...», – помахала мне рукой, приглашая ещё.

– Ты заходи, если что, и с супругой заходи, мы с мамой всегда рады проходящим – проходящим, – оговорила она и снова засмеялась, и этот надтреснутый звук ещё долго звенел у меня в ушах.

На улицу вышел какой-то растерянный. Решил на этот раз забраться поглубже, пройтись и основательно посмотреть на осенний Вишинск – в конце концов, других планов у меня всё

равно не было. Пошёл – и заблудился. Сам не знаю, как так вышло, в Москве не терялся, а тут... Побрёл, побрёл, не узнавая ни улиц, ни домов.

Узенькие, грязноватые переулки сменялись танцплощадками магазинов, три, видимо, недавно появившееся девятиэтажки мрачно упирались в небо как гигантские колонны – маяки какой-то другой жизни, которая и хотела, да так и не началась в этом городке. Это было словно какое-то волшебство – сколько я не хотел дойти до них – всё время наткнулся на неведомо откуда взявшиеся стены – то заброшенного военного завода, то каких-то лесохозяйств и молочных ферм. Иногда попытки пробраться к высоткам заканчивались просто полуразвалившимся бетонным забором, что за которым – я не знал. Оставив эту идею, я просто решил двинуть куда-нибудь в парк, огляделся... И только тут вдруг понял, что совершенно не знаю, куда идти. Позвонить?.. Оле звонить как-то не хотелось... Матери? – «Да я и сам не знаю толком, где нахожусь». Пошёл просто прямо. Через полчаса набрел на какой-то грязноватый торговый ряд. «Вот, блин, развлечение после ВДНХ», – но от нечего делать – увлекся и стал смотреть всё подряд – подтяжки, консервированные помидоры, спички, пижамы, кофты, треники, кроссовки, снасти, книги, ножи, вентиляторы, грибы, лампочки, селедка с хреном, пиджак... «Даа...». Из любопытного всего этого убожества нашел даже местное искусство – «Совсем так себе», – мелькнуло в голове... «Смирнов. В. И.». Лицо какое-то знакомое... Вася?..

– Васька!? Это ты?..

– Иван? ... О, ты ли это в наших пенатах! Это ты здорово зашел! Какими судьбами?!

Понеслось: отпуск-мама-работа-Наташа-дача-помидоры-Египет...

– Египет?! С ума сошёл?! Там уже все были... Это безвкусно... Да и слишком как-то дешево, попса, короче. Ну, я, конечно, тоже не слишком крутой («Да, отметил я про себя, малинового пиджака с мехом не хватает»), но в Египет не поехал бы. Спыхватился: «Да это наши, профессиональные штучки-закидоны, не обращай внимания... А я тут рисую, как и рисовал, тебя, конечно, ничем не удивить – столичный житель, но и мы тут кое-что сладили. Я, кстати, вот тоже в Москву посылаю работы, неплохо берут, знаешь... А ещё в нашем музее недавно выставку-распродажу устраивали – моя, ну, и ещё один художник с района, Фердюков Петр, что ли?.. Ты его не знаешь, конечно... – так я тоже кое-что продал. Если так дела пойдут и дальше, вскоре и сам в столицу переберусь, но это не сейчас, пока рано ещё. Деньги, деньги, деньги. Ещё, бывает, на заказ портреты пишу. Натура – нос картошкой так я отъювелирую и личико как у куколки. Берут, нравится. А так... На заказ... Вот у местного, написал ему в гостиную, «трёх голых женщин» – попросил, говорит, «хочется»... Крупный был заказ, месяца четыре маялся – всё ему что-то не нравилось, да вот месяц назад закончил... Сейчас я сам продаю свое, а раньше ещё пацана держал, да тот что-то не шибко работал, я и не стал платить. Вообще здесь искусство *ценят*. И я приспособился, что берут – я ещё штампую, не в прямом смысле конечно, это же *Искусство*, но и ко вкусам уже привык и сладился: кошки-натюрморты-лодочки-цветы.

И правда: из восьми картин на стойке были: два натюрморта, котёнок с кошкой, что-то на банную тему с вениками и шайкой, и лодочка на туманном берегу, правда, опрокинутая.

– Нравится? – Не дожидаясь ответа, – Про баню, это я подумал, хорошо будет, раз кто побогаче заказывает, значит, пойдёт. То полотно чай два на три в метраже было – не потянет кто другой, да и сюда такой масштаб не потащить. Честно говоря, «Три грации» – это он – большой коммерсант – понимает, а тут, знаешь, люди в основном простые. Что им? Баня – это ближе, роднее как-то, но и изюминку никуда не спрятать, а? – и хрипловато засмеялся, успокоился, закурил. Да что я всё о себе, ты-то как?..

Поговорили ещё немного. Рассказал ему своего, что не стоит – опустил. В гости не звал. Он меня тоже. Спросил дорогу. Все как дважды два просто: слева остановка и 4 автобус до конечной. Конечно, купил матери «Котёнка с кошкой», неудобно как-то было отказать...

Пока гулял, промёрз насквозь, и следующий день провалился с температурой. До поезда оставалось ещё мучительно долго. Утро – проспал до обеда, почитал немного случайную книгу с полки (ей оказалась «Военно-морская история Великобритании», которую обожал в детстве), а ближе к вечеру в гости к матери пришла старинная подруга, которая в перестройку «обрела дар предвидения» – и начала гадать. Помню, как ещё в пятом классе мой глобус из папье-маше, оклеенный вырванной из детского атласа картой – она выпросила себе – «...Для антуражу, говорит, вполне сойдёт...». Так я её и запомнил, и, признаться, не слишком любил.

«Ванююша!». Смотрю на неё – не изменилась нисколько, только поседела немного, те же чернеющие брови и аспидные глаза, массивное золото на пальцах и тяжёлые камни на шее, говорит, что и тоску развеет и вылечит от чего угодно. Матери было бы приятно, и я согласился – мне было всё равно.

Сев рядом, она тут же схватила мою руку и что-то долго изучала, вертела всячески, что-то считала, а после, лукаво посмотрев на мать, изрекла: «Ух... Сразу три девки за тобой увидаются, а ты барином всё ходишь, за нос двоих водишь, никого замуж не зовёшь...». Мне стало как-то не по себе, я покосился на мать – не то, чтобы Никитишна была права, но как-то стыдно стало... Мать улыбнулась и махнула рукой: «Вань, ты же её знаешь», а сама тихонько вздохнула в сторону, о чем-то своём, о чём – я старался не думать. Тем временем Айседория Никитишна плела свою сеть: «Девки тебя сглазят. Если, конечно, порчу не нашьют. Сейчас мы им... Держи вот», – и откуда-то из своего путаного одеяния извлекла платок и что-то, что после оказалось мышинным хвостом. Наскоро пробормотала что-то ядовитое, плюнула в платок и завязала на три узла: «Держи. Защитит надолго». Я сохранял спокойствие, лелея надежду отделаться малой кровью. Закончив с моими руками и талисманом, она вспомнила про мою простуду. «А это, – она говорит, – Проще простого, и думать нечего», – опять порылась в одеянии (мне представился плащ эксгибициониста или что-то в этом роде) достала, бормоча, какой-то корешок и, скорчив жуткую гримасу, задымила им над моей над кроватью: «Утром и не вспомнишь о простуде...», – я послушно шмыгнул, а про себя подумал... Ну, в общем, не очень хорошо подумал, честно говоря.

Напоследок разлюбезная соседка решила ещё и на картах меня испытать, «Судьбу поточнее вызнать...». Разложив веером колоду – удивилась (я, в общем, понял, что мне сегодня везёт): «Во, карта попёрла!»... После долго думала, приглядывалась, но распространяться слишком не стала: «Всё ОКа, ОКа будет».

Посетовала, чуть позже, что не сможет полный комплект предсказаний дать – на стеклянном шаре не получится сегодня (сказала по секрету): «Да батарейки сели...», сказала, да осеклась... «Ты не думай чего, всё взаправду, – строго научала она, – А вот кто не слушался – все ещё в девяностые в землю полегли да обнищали. Но вот что тебе по картам скажу, – смягчилась она, – машина вот у тебя будет»... Ну, это я, к слову, уже и так знал – на днях подписан договор доставки, да и мать, вообще-то знала, вот, по доброте душевной успела, видимо, и ей обмолвиться... Резвая ты бабка, Айседория Никитишна...

Напоследок рассказала про свое общество любителей-спиритуалов, дескать, они сеансы общения с духами раз в месяц (по строго особым дням) устраивают и, кстати, в большом секрете хранят – приглашала и меня по знакомству – я устало отмахнулся, стараясь быть вежливей:

- Да куда и когда мне регулярные общества, я – москвич...
- А я – «Волга», чего нос-то задираешь?!... Я вон матери твоей старше... – вспыхнула она.
- Ну-ну, Айседория Никитишна... Пойдёмте лучше чаю выпьем, – отозвалась мать.

Как же я устал от всех вас... Так через пару часов кончился ещё один вечер. От запаха этой травы я ещё долго ещё не мог уснуть, и снилась под утро какая-то болотная снедь. Ни дать ни взять нагаданная.

На следующее утро проснулся бодрым и свежим. И это утро снова поставило философский вопрос: «Что делать?». Идти решительно некуда. Видел Олю, даже вот Ваську встретил... Не зайти ли к Витьке Валесову? Десять лет за одной партией – это уже срок, как шутили в школе...

Оделся, пошёл... Пришел – и что-то, прогостил весь день. Уже и жена его вернулась с работы, ребята пришли из садика во дворе. Как посидел, так и ушёл. Вернулся домой. Мать только спросила, где был, что видел.

– Да, ой мам, наговорился я уже за день... Витьку видел... Все мы по-своему преуспели...

– А разве ты нет?..

– Мам... Да я кого хочешь здесь куплю, если надо. Не в этом дело... Ой, ладно, пошёл я лучше спать...

Долго ворочался с боку на бок, перекрутил в голове такой смутный прошедший день. Вот потихоньку вышел, нашел подъезд, вспомнил номер квартиры, позвонил... Открыв двери, плюхнулся на излюбленное вольтеровское кресло, за дешёвые сигареты и стакан чего-то тёмного сам хозяин – Витька... Я сел рядом.

– Ты, что ли? – улыбаясь и немного растерянно начал я.

– Да я не настолько стар, я ещё помню. – Засмеялись.

– Ты как? Я – так, как все, потихоньку. Давай делиться...

Витька – он философ. Всегда им был и остался. Из бесед за чашкой чая вышел махровый любитель портвейна и трепач. Витька Валесов нынче счастливый семьянин, и, кстати, где-то там чего-то местный предприниматель. Долго выбирал свой путь, учился жить и работать, мотивации изучал... У него, как и всегда, на маленьком столике у кресла лежат Гегель, Толстой, Бердяев и ещё кто-то. Он и теперь мечтатель – с двумя детьми, уже с брюшком и в протёртых тапках. Мы поболтали. Прогнали по очередному кругу – мою девушку, квартиру, работу, привычки. Поговорили и о вечном – о душе и смысле жизни – я, видимо привык с ним об этом, да и как-то к месту пришлось – не заметил, а сам начал разговор. Говорили, говорили часа три... Запомнилось только: «Баклан ты, Ванька, человек создан для счастья, как птица для полёта...», да то, что смотрел он на меня как-то почти с жалостью: «Хоть ты там в Москве... Да, вроде нет, не испортился, не зажирел...».

«Хм. Зараза! На себя посмотри, философ!» – и повернулся на другой бок, но стыдно стало как-то своих мыслей, внутренний голос смолк, и подумалось даже: «Жизнь, что ни скажи, у него сложилась – он вовсе не неудачник, а счастливый семьянин, бизнесмен – бездельник, получающий свой процент, купил участок за городом и своих ребят – Виталика и Саньку – возит туда на выходные. По дому – жену с матерью запряг, и весь в своих мечтах. Интересно, а о чём он сейчас мечтает?.. Хороший вопрос... А говоришь с ним – что воду льёшь, только голова потом тяжёлая, как с похмелья... Да... Не всё то водица, что в стакане искрится...» – сам себя заставил улыбнуться – с тем и уснул.

Следующее утро было прекрасным. И ещё большую прелесть ему придавало то, что вещи были уже собраны, а до отъезда оставалось всего три дня – торопиться, правда, некуда. Попил чай с матерью. Наговорились впрок ещё за прошлые дни, думал, что бы такое хорошее сделать,

чтоб уж совсем быть умницей (а себе это пообещал ещё в поезде, где-то между 1743 км и «Ивняком»). Ну, «на ловца и зверь»:

- Вань... Ты сегодня очень занят?.. – крикнула с кухни мать.
- Да не...
- Не съездишь в деревню на пару часиков, где дом раньше стоял, помнишь?
- Ну...

– Там церковь была, а у местного батюшки вода святая... Она к тому ещё и целебная, я давно хотела съездить, да сил нету канистру везти с собой, а водички хочется, она вроде бы помогает...

И, конечно, через полчаса я уже сидел в автобус до «Садов», и ещё спустя минут сорок с чувством исполняемого долга шел по дороге в Краснополье. Дом помнил плохо, но в эту деревню мы иногда ездили к каким-то родственникам, пока они не переехали куда-то в Сибирь. Свой дом мы продали после смерти отца, я ещё не ходил в школу и помнил лишь смутно какие-то кусты, забор... Но где церковь та, кажется, знал, хотя и не уверен был, что легко найду. Ан нет – церковь одна, единственное каменное здание в деревне – пузатый купол гордо глядит в небо пунцовым золотом, и синеватая голубизна стен напоминает о весеннем небе, яро и щедро радующемся солнцу на фоне сена, навозных куч и истлевших сараев. Зашел, хотел спросить, огляделся – никого нет, тут же услышал, что где-то в углу ведут беседу двое. Я поневоле прислушался, не став прерывать.

- ...Крестишься, раз желаешь. А сколько заповедей в христианстве, знаешь?
- Десять: Не убий, не укради, почитай отца и мать, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй... И нет Единого Бога, кроме...
- Достаточно! Живёшь ли жизнью общины, как часто причащаешься, блюдёшь ли пост?
- Но... – собеседница смутилась.
- Что скажешь на исповеди? – Молчание.

Без слов ясно было, что та в свои двенадцать-четырнадцать была в смущении...

- Как часто бываешь в церкви?
- А я с Богом и так беседую... Сама... – простодушно ответила она.
- Да кто ты такая, чтоб с тобой Господь беседы вёл!? Есть Церковь, есть Священство и *мы* – посредники между паствой и Всевышним... Да чтобы ты поняла, если б Дух Святой и вправду снизошёл до тебя?! Иди-ка, давай, понаберись уму, походи к службам исправно, а через пару месяцев приходи на исповедь, очистишься от грехов, а там и поговорим. Следующий!

Я поневоле вздрогнул, мимо меня успела скользнуть девочка в платке, и я не смог её разглядеть, но она, кажется, всхлипнула и тут же закрыла дверь. Я остался наедине с настоятелем (или кто он?.. Не знаю...).

- Я бы хотел воды набрать канистру, – не дожидаясь расспросов, выпалил я.
- Вход со двора. Там служка дежурит, он поможет. С Богом, сын мой, с Богом...

Я поблагодарил и вышел, крестясь, куда было указано. Об услышанном разговоре ещё долго раздумывал на обратной дороге в автобусе, и совсем уже было углубился в свои мысли, но внезапно машину тряхнуло, и мотор, чихнув пару раз, предательски заглох, автобус поне-много стал сбавлять скорость и, прислонившись к обочине, встал. Из общего гама я понял, что

сломалось что-то очень важное, и дальше всем предлагается пойти пешком. Я как-то заупрямился (сорок литров тащить на себе как-то не хотелось) и не сразу заметил, что автобус почти опустел. Когда все уже разбрелись, я стал оглядываться, и по тому, *как* на меня махнул рукой водитель, я понял, что ждать нечего.

Пошёл пешком. Просёлочная дорога, на моё счастье, была на открытом месте и легко высыхала после дождей. Последняя пара сухих дней сделала её проезжей – я шел по полю возле и не боялся брызг, хотя мне, кажется, уже было всё равно. Попутный транспорт как ветром сдуло. Пошёл так. Вскоре совсем недалеко от дороги заметил пруд, тот самый, на который с палатками ездили ночевать с ребятами в школе. Он почти зарос. Ни песка, ни мелкой гальки по берегам не было видно – теперь кромку воды, отступившей вглубь, окаймляла пожелтевшая осока и чахлый камыш. Берег, где раньше загорали – порос травой, а вода потемнела. Вспомнились слова нашего руководителя – биолога Анатолия Павловича: «Вам, ребята, повезло ещё, климат меняется, уже через десяток-другой лет пруд начнет заболачиваться, мелеть, система протоков и ручьёв... Хотя, вот если бы он смог «отойти» метров на сто пятьдесят левее или чуть больше к югу – то этого бы не было – там проходит...», – а что и как там проходит, и почему «так было бы лучше», я уже не помню.

Я огляделся. Как ни странно, пруд выглядел не так уж уныло – всюду разрослись трава и мох на старых брёвнах... – тоже жизнь, в конце концов... «Так просто всё в природе – Жизнь и Смерть... Ни о чём не жалеть, ничего не желать... Жизнь так жизнь, смерть так смерть – по воле неведомых причин, по строго заведённому календарю, так спокойно и безразлично. Интересно, а пруд *хотел бы* «отойти» метров на сто пятьдесят? – подумалось мне. – Наверное, нет. А я бы точно хотел... Всё-таки, человек без права выбора – не человек, как ни мудра природа в своём спокойствии – она живёт иначе... Чего-то в ней не хватает... – Просто проклятье какое-то, – мысленно выругался я – Чего не хватает-то?!...».

Привычка быть честным с самим собой сейчас возвращала его к этому *чему-то*, чего он сам не знал. На обратной дороге, пока он размышлял, ему опять написала Наташа, она дулась на то, что он долго не отвечал, и она не успела купить шкаф, а он какой-то совсем последний. Ей так хотелось... – Короче, если, как он вернется, они тут же не пойдут в «Неаполите рестарант» – не простит. Он устало вздохнул и выключил телефон – он всё-таки промочил ноги, измазался глиной и уже очень устал. Каких-то сил на выяснение отношений – не было.

Настроение было премерзкое. Бледное солнце, ещё с утра предвещавшее хороший день, сменилось мелкой моросью, которая готовилась стать снежной крупой. То и дело налетавший ветер и ранние сумерки красноречиво говорили о смене погоды, приближалась зима. Стараясь быть оптимистом, он попытался подытожить такое начало своего отпуска – и какой из всего этого он должен был извлечь урок? «Маму повидал, это – да. Совесть чиста, и руки, вроде, тоже... Но как-то не очень-то удалась поездка... Оля – замуж хочет, аж глаза сверкают, но всё в жертву, всё ради неё – Науки, куда ей эта одержимость?.. «Выходит за рамки науки», а смысл-то в чем?! Вот Васька – он простой мужик, но ведь даже в детстве рисовал лучше – горы, что-то в акварелях, что-то даже мне нравилось, любил вечером в поле бегать, коров на закате срисовывать, а теперь... У него к искусству один критерий – ценник. Про Витьку вообще лучше не вспоминать... Философ-водолей». Тут он споткнулся, и «приятная» тяжесть 40-литровой канистры саданула его по ноге. «Чёрт!!! Зачем она ей, эта вода?! ещё одно шарлатанское месиво, сто раз же предлагал лекарства какие, если нужны – всё, что угодно... Никитишна, тоже – что ей ничего не нагадала?! Дохлую кошку под порог зарыла, и то была бы помощь больше... Тоже мне чудеса на мыльной воде».

Успокоился, растёр ушиб, вспоминал прошедшие дни... «Что-то я словно из детства не выходил – и терпение-то ангельское (держись, Никитишна), и перед этим в рясе тоже оробел

как-то, как ребенок... Ностальгия, что ли?..». «Ностальгия – первый шаг к старости», – вспомнил слова Витьки, да заново чертыхнулся – неприятно как-то стало совсем.

«...Интересно, а куда бежать человеку? В церковь?.. – Ну-ну, а эта девчонка-то в слезах от него убежала, а мне-то что – только каяться всю жизнь, что ли, или вообще – пойти утопиться осталось...». Память поневоле тут же толкнула его к воспоминанию о прудике, что остался за спиной и уже скрылся из виду. «В него – не хочется, это, конечно факт... Природа почему-то даёт только покой, а не жизнь», – философски изрек он. Поскольку вся эта поездка в итоге вымотала его едва ли не больше канистры в руке, он решил, что, видимо, «такова жизнь», и плюнул на всё это. Были и другие заботы – мёрзнувшие руки и грязь, а, кроме этого, его начинал мучить голод. Не прихватив ничего с собой, он на всякий случай порылся в карманах. Нашел платок с крысиным хвостом – и уже засмеялся до слез – над собой, над этим глупым положением, над тем, что «такова жизнь». Посидел немного на канистре и пошёл дальше. Впереди уже показались первые городские дома, и, насколько мог, он прибавил шаг.

Но этим дело не кончилось. Не успев дотащиться до остановки и сесть «на транспорт», он увидел, что стоит у тех самых трёх Девятиэтажек. Три титана на фоне городской мелкоты. Немного поднялось настроение: «Всё-таки дошел, посмотрю хоть на это чудо инженерной мысли, всё равно здесь больше смотреть нечего...», но вдруг откуда-то зазвучала мелодия, он огляделся: на противоположной стороне играла губная гармошка, залиvisto и, в то же время, просто. Постоял в нерешительности: «Зачем?..», – ничего не решил, но почему-то перешел улицу: «Так слышнее...», встал неподалёку. Длинная куртка и кепка набок скрывали уличного музыканта, а он стоял, не узнавая мелодии, просто слушал, и почему-то становилось теплее, но нет, не почему-то, а просто так. Он увидел стаканчик и стал рыться в карманах, когда к игравшему подошел старичок и не начал честить: «Что вы тут встали, попрошайничать?! Я – старик – не прошу милостыню, а вы – молодежь! Шли бы в совхоз – там работы моря! Пахать на вас всех надо! Нет, стоят, пиликают и бездельничают – подавай им тут – дармоедам...», – на всё это гармошка только яростней выводила трель. Ваня не выдержал, подошел ближе, и старик, видимо, не желая продолжать спор, зашагал дальше. Когда он отошёл совсем далеко, гармошка неожиданно смолкла.

– Вы не обиделись? – неожиданно для самого себя спросил Иван.

– На него?.. – и игравший поднял взгляд – музыкантом неожиданно оказалась рыжая девушка лет двадцати, в веснушках, ещё совсем смешная. Ваня опешил. Она, заметив его удивление, только засмеялась, и ответила после уже серьёзно:

– Нет, он вообще не слишком добрый, с ним бывает...

Ваня совсем растерялся, когда понял, что держит в руке мелочь на проезд, которую так и не бросил в стакан, не зная как поступить – не нашёл ничего лучше, как протянуть ей.

– Спасибо!..

– А почему ты играешь на улице?

– Нравится. Учиться музыке у нас негде – была музыкалка, да закрыли – я не успела закончить, а играть хочется. Дома надоедает всем, а на улице – как-то звонче выходит.

– Я думал, ты так зарабатываешь...

Она устало улыбнулась:

– Вы же – взрослый человек, вы же понимаете, что так не заработать... Стакан-то только потому и стоит, что просто иногда подходят, спрашивают куда кинуть... и только. Я вообще-то на кассе в универсаме работаю, скучно же так всю жизнь...

– Хочешь кофе?.. Она нахмурилась, но, оглядев его с головы до пят, снова рассмеялась.

Ваня даже немного покраснел, когда понял, что штаны он вымазал в глине по колено, а рядом с ним стоит алюминиевая сорокалитровка. Хорош кавалер. Но она просто улыбнулась и сказала:

- Хочу...
- Может быть, завтра утром, здесь же?..

Они обменялись улыбками. Одинаково простыми и безобидными. Он ей понравился – серьёзный и, в то же время, смешной, вроде бы не совсем дурак – наверное, просто порядочный, или показалось?.. Она ему – тоже – живая, яркая... Они обменялись телефонами – на всякий случай – и весь следующий день провели за кофе и прогулками, болтая о том, о сём. Когда настало время уезжать... Ну, в общем, в Египет с Наташей они не полетели... Всё сложилось немного иначе, чем он предполагал, но и не так пошло, как вы подумали, но это уже совсем другая история...

Если ты не можешь что-то найти. Любовь – это же тоже шанс.

- ...Ты что, правда в такую херню веришь?
- Эээ, не знаю, я так живу... – Чёрт... Мне – стыдно, ему – неудобно. Марсель обычно поправляет грамматику и часто спрашивает меня, «...О чём это ты хотела»... Сегодня я отдала ему на корректировку этот рассказ – первый большой, толком почти законченный.
- ...Это меня занимает... В конце концов, это же только аллегория.

Когда мне говорят, что таких людей не бывает, я думаю, что они правы, но мне удавалось прожить всё, что они чувствуют; интересно, а это означает, что меня для остальных людей тоже не существует... Или только то, что меня просто предпочтут не заметить?.. Чёрта с два, у меня слишком много свободного времени на работе!!! Я проработала в баре почти полгода, и так и не отучилась думать – наливая пиво, глядя на отражения, односложно отвечая и не замечая перемен. Глядя строго перед собой в глухую стену будущего сквозь осклизлую туманность настоящего – но не помогло. Я бросила учиться и читать, я даже стала портить то, что делаю, подражая кому-то ещё – но всё равно не смогла *не думать*. Я душила себя дешёвыми детективами и комплексами, страхами и ошибками, и это всё равно приводило меня сюда:

- Да, Марсель, я хочу это выпустить...
- Ну, не надо только потом обижаться... Поговорку про бисер сама знаешь.

Ну да... Фенечки из лапши, улитка, в краске, что мечется по бумаге – искусство, а я «так, погулять вышла»... Подумала-подумала и решила, что он – прав. Но и это не помешало мне думать дальше. Проклятая цепная реакция при броуновском движении породила спираль и вихрь, смыслы смешались, придя в ещё большее движение, и зародился ещё один мир. Я с ненавистью разбила эту дурную бесконечность об пол. Хрустальные крошки невинного стекла далеко разлетелись по залу. На миг все вздрогнули, но тут же снова пустились в пляс. Удовлетворив любопытство, я больше не была им интересна, стакан тоже – секунда славы и «стошесть» рублей вычета – известная цена за свои ошибки делает жизнь проще – так прозвенел конец первого акта. Кажется, мне стало легче.

ПОСТАНОВКА

Как бы ты не держался хорошего сценария «как изменить свою жизнь» – почему-то всё опять выходит из-под контроля и катится ко всем чертям. Теория, мой друг, суха, а древо

жизни... – начинает плодоносить неожиданно, в самый неподходящий момент, засыпая незадачливого Ньютона яблоками в мире, уже свихнувшимся по теории относительности. И тебе остаётся читать свою роль дальше, сохраняя мину при плохой игре, стараясь не терять равновесия, и только надеяться на чудо, что всё ещё получится так, как ты мечтал...

Вообще-то, дела у нашей богадельни давно идут так себе: выручка падает, народу мало, и аренда поджигает – это не скрыть от основного состава, и вот каждый день находится умник, который грозитесь отсюда уйти – старая, старая как мир, история борьбы гордости с куском хлеба. «Старички» видят это не в первый раз, и отлично понимают, – все, кто уходят, могут рассчитывать на самую искреннюю поддержку и понимание – понимание того, что он сэкономит фонд зарплаты, и шёл бы уже себе поскорей. Опытные одиночки знают свое дело, и, пока вы жалуетесь, живут дальше – тащат из кассы, торгуют в левак и клянчат чаевые, и, таким образом, все мы вместе катимся в яму.

Реальность встала перед нами во весь рост, неожиданно, одним прекрасным ранним утром. Роняя дешёвые декорации, и с трудом помещаясь в дверях, к нам завалились четыре крупных и шумных мужика.

- Так, это шо?
- Всё это завтраки во стиле, во французском, – уже лепечет кто-то из официантов.
- А почему народу нет?
- О, сир и бос, казна пуста, и мы не можем известить гостей...
- Гулять у меня пойдёшь, если завтра так же будет... А это кто тут вапще?

Так в нашу классику исторического идиотизма ворвался ренессанс. Всё было просто – когда дела пошли «ту-ту», хозяйка наших лизоблюдств, престарелая «королева Франции» – как мы звали хозяйку – продала ресторан. Короче, эти четыре были теперь тут дома.

Тех из нас, кто был в наличии – обложили апельсинами и, выставив в калашный ряд, стали перебирать. Почтенное рыцарство, как и положено, было при параде: огромные парики, бархатные камзолы, перчатки и яркие банты¹⁸ – заменяли дешёвые чёрные брюки, белые и чернильные рубашки, а платья официанток, хоть соответствовали моде, были скромны и коротки. Новый король сверкал глазами и плешью, неофиты, склонившись на одно колено, хором давали присягу – и каждый из них готов был сейчас пожертвовать жизнью во имя долга перед Государством, Его Величеством или Прекрасной дамой. В этот торжественный момент девушка, что висла на его лысочестве, оживилась: выплюнула жвачку и, скривив капризные губки, стала близоруко вглядываться в толпу новых слуг. Король только оправил мантию и пробасил: «Что-то вас много», – государство съезжилось и затряслось, тишина раскатилась по залу испуганным ропотом – и смотр воинской доблести превратился в казнь. Головы летели направо и налево, умирая с достоинством, почтенные рыцари сдержано выражали свои чувства официанткам и красиво закатывали глаза. «За Францию!», – шептали, умирая, поверженные на ковровую дорожку – летя, сломя голову, в помойный ящик – старой и ненужной рухляди не было места на новом корабле, и воцарившаяся Несправедливость уже возносила новый флаг над растерзанной страной – «Свободу для винокрадов!» – что ж, новая власть – новый порядок...

Как работает кафе ресторанного типа они, конечно, понятия не имели. Управляющая Алина – мастер торгового сервиса¹⁹, сбивчиво пыталась что-то объяснить, но король был самодостаточен и твёрд – разговор вышел коротким, и через час заведение всё-таки покинули лучший официант, два бармена, помощник повара и все хостессы.

---

¹⁸ Костюм, характерный для актёров театра эпохи классицизма.

¹⁹ Одна из высших категорий профессиональной квалификации работников сферы обслуживания.

Ещё трое официантов от разбитых чувств и ужаса уволились сами. Наш круг стал узок и менее приятен, хотя вот некоторым повезло: Саша был выходной, Марсель сбежал по вопросам скисшего пива, а меня перед открытием унесло в магазин – потому что кто-то (не будем говорить, кто) опять разругался с поставщиками кофе, и зёрна приходилось покупать в супермаркете. Когда я вернулась, у ребят были серые лица, а я не досчиталась пары знакомых. Пошептавшись с Катей, я узнала, что эта кучка злопыхателей в углу – наши новые хозяева... О времена, о нравы! ...Ещё через минуту я подошла с новым пакетом кофе к уже ошивавшемуся тут же за барной стойкой Марселю. Взгляд у него был какой-то дикий.

- Вы, кажется, обеспокоены, милорд? Ужели что-то исказить ваши черты посмело?
- Возлюбленная, поглядите сами...

Он открыл кассу и указал кивком – у меня всё ухнуло: там не то, что разменки – мелочи на кофе – там *денег* не было. Они же ещё не видели, не видели, не видели, не видели, не видели, нет, нет, нет???!..

– ...Но кто из нас осмелился бы взять?! Какое горе... [руки со сцепленными пальцами то заломлены над головой, то опущены вниз]²⁰.

– О, милая, возьмите ж себя в руки!..

– ...Да, уж пора...

– ...Так не пристало благородной деве причитать, я ради вашей чести буду воевать, пропажу отыщу и накажу злодея. Ради возлюбленной я ничего не пожалею, и вам клянусь в любви – ты будешь спасена.

– Молю тебя о помощи, любимый... И клятву принимаю от тебя... – [сомкнутые ладонями руки тянутся к исполнителю роли властителя]²¹.

Это ж за четыре дня... Или год нашей работы за бесплатно. Или до семи лет. Машинально пошла опять протирать стаканы. Да! – это наивный фрейдизм²² и рефрен вечного неудовлетворения, а ещё потому, что в общепите обязательно надо найти что-нибудь простое, что станет твоим успокоительным неврозом, хотя потом ты всё равно сорвёшься на дорогом госте или коллеге...

– Нет!!! Не трогай автомат, я же его только что промыла, он незаряжен!! Дома у себя подливать кофе будешь!!! – Мы – люди искусства – все такие нежные...

Кто был за кассой? Я, а кто ещё? – никто. Ключ-то рядом, кто надо, знает, как взять, но ещё час назад все было. Пробивала только Катя – она не успела бы запихать всё по карманам, так как ключ от подсобки был у меня. Делая вид, что, как ни в чём не бывало, потянулась за очередной бутылкой гренадина²³, я осмотрела «место преступления». Косяк – на полу лежали несколько пятаков и десятки – похоже, что кто-то прямо-таки вытряс кассу... Камеры бы, конечно, что-нибудь показали, но лучше пока не поднимать шуму. Всё тихо, значит, ещё никто не в курсе. Сколько они уже сидят?

---

²⁰ Условный жест — «горе» – в театре эпохи классицизма.

²¹ Условный жест – «мольба» – в театре эпохи классицизма.

²² Автор подразумевает в этом навязчивом движении героини подавленную сексуальность и ожидание чуда. Другими словами – моральный онанизм.

²³ Гранатовый сироп.

– Ты ушла, через минут пять пришли они, стали знакомиться с заведением, потом пошли смотреть кухню и всё остальное, потом сели. Но это – по словам ребят, я – из-за пива ездил. В четверг доведут. Кстати, они нас уже купили – бабуля только что отдала им пакет какой-то, я так понял документы, и всё – *adieu* – свалила...

– Но что же *с нами* станет, благородный рыцарь? Возлюбленный, кто честь мою вернёт и возвратит награбленное в кассу?

– Да говори нормально, задолбала!

Вот вам и театр – без поэзии и слов... Сплошная физиология... Хотя я тоже уже наигралась с классикой... модерн и постмодерн... *We've been expecting, and it comes...*

Ладно, вопрос один: «Где деньги?!». Марсель не брал – я тоже, Катя – спрятать хорошо *не успела бы* (сумасшедший *Microsoft Word* тут же предложил «не усопла бы», – и я понимаю, что всё не так просто)... Прошло полтора часа. Можно было бы уже доехать до аэропорта. С ума сошла? – Ну, кто так из-за жалких трёхста с хвостиком тысяч стараться будет? Кого выгнали? Антон, Миша, Денис...

«...Обратите внимание, галерея парадных портретов «худших работников месяца» встречает вас героем простонародного происхождения, но доблестным и отважным это – Денис Безымяннов!».

Денис. Денис... – рос в неблагоприятном районе, убежал из дома, дружил со всеми и, как все, пил, сидел (пока только по лавочкам), пока некоторые уже успевали вернуться. Не кололся, не торговал... – он очень изменился, пока работал тут – увлекся французским, сначала по приколу, потом всерьёз, решил даже поступить в ВУЗ – в свои-то 23, даже готовился по ночам... Не думаю, что это он – было бы ради чего сидеть ночами, если всё так...

«Далее мы подходим к известному портрету графа Подкаблуковского Антона Сергеевича – посмотрите на этот надменный взгляд и неуместную позу – как вы понимаете, в эту позу его, конечно, поставила жена...».

Антон – недавно женился, крайне озабочен деньгами. Метался все из угла в угол, и ради хорошего места в нашем ресторане долго скулил. Смотреть на это было невыносимо – пришлось взять. Его страшила и укрощала жена – вся такая – Дольча Грёбана, высокий fashion – била копытом и рыла под нас, как могла... А потом всё уговаривала Антона брать побольше и, короче, опустила до мелочей... Дешёвый цирк – это жестоко, *сейчас*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.